

влия на право, притом отнесенное в такой импонирующей форме, что едва ли можно представить себе более высокое и уважительное исключительного господства какой либо державы в стране, которая добровольно, по договору потеряла самостоятельное бытие и сдалась объектом властования. Быть может, это превращение факта в право с легкостью и быстротой, достойными удивления, происходило бы оно не связываясь в памяти с нашими утратами на Дальнем Востоке и не сдалась непосредственно за актом дружественного соглашения между Россией и Японией относительно охраны status quo в Маньчжурии. Во всяком случае нельзя не заметить искусство и смысловую расчётливость японской дипломатии, которая умеет одновременно осуществлять столь различные и нелегкие по самому существу предприятия, как заинтересование русской дипломатии в сохранении status quo в Маньчжурии и безпредельное присоединение Кореи к составу Японской империи. Пусть это искусство и смелая предприимчивость японской дипломатии суть только отражение общепринятого могущества сухопутных и морских сил Японии, однако немаловажное последствие действительности, быстрота и меткость ориентировки среди весьма сложных и колоссальных обстоятельств принадлежат исключительно дипломатическим талантам руководителей японской политики и являются для других народов примером достойных соревнований.

Что касается содержания дипломатических актов, которыми поочередно существование Кореи империи, то в состав его входят: юридическая функция, придания захвату Кореи вида права, определение положения корейского народа и его бывшей императорской династии под японским суверенитетом, и изменение с международною точки зрения как мотивов совершившихся событий, так и влияния последних на договорные отношения иностранных держав и права их подданных, установленные по соглашению с бывшими корейскими правительствами. Основной юридической функцией является «добровольное» соглашение корейского императора, как суверенного владыки Кореи, с императором Японией об уступке последней всех прав суверенитета над всей «Кореей»: корейский император «уступает» свой суверенитет, а японский император «принимает» эту уступку и соглашается на полное присоединение Кореи к Японской империи. В самом договоре обонх суверенитет перешел от привилегированного положения, основанного на договорах с корейским правительством, к новому положению, устанавливаемому исключительно господством Японии на Корейском полуострове.

Итак Япония стремительно и с неуклонной последовательностью устранилась на азиатском материке и сама вернула судьбу азиатских государств, в которых еще недавно был полный простор соперничеству великих держав. Старого и Нового света; и вместе с тем Япония умела находить основы солидарности и упрочить моду vivendi в отношении своих материковых соседей, не впадая на очевидную жестокость и властность японской политики. Возможно, что такой образ действий и занятое Японией положение на азиатском материке упрочат на долгие годы мир на Дальнем Востоке, ибо рьянейшая политика и искусная дипломатия, опирающаяся на

превосходный флот и колоссальную армию, всегда носила в международные отношения необходимую для мира определенность и устойчивость. Но мир не может быть вечным, и если он когда-либо будет нарушен на Дальнем Востоке, то договор об аннексии Кореи, только что заключенный, даст для будущего попутный указание относительно дальнейшего развития того стили дипломатии и того искусства приспосабливать и властвовать, которые приобрели страной «Роскошного Солнца». Ва. Д.

ЗАМЪТКИ.

СМЛХУИ.

Хотя мы и получали народное представление, но западно-европейская партия плохо прививается к русской жизни. И говоря об организованной партии, мы все же обмениваемся громадными массами, т. е. об объединении громадных масс, т. е. об объединении одних и тех же влюбленных, учений и стремлений — да достигая одних и тех же целей. Партия наша сильно развита только в революционно-инородческом лагере. Там действительно заимствуется единство стремлений и партийная дисциплина. Очевидно, нехватка в нас этих объединяющих факторов, чья любовь... Впрочем, в то надо идти в виду, что революционный лагерь имеет большую опытность, чем другие лагери, и поэтому имеет большую школу. Они «саморазвиваются» давно, и с 18 октября 1905 года мы на улицах города сразу увидели многих субъектов, управленческих программ, розетки и бантики, то есть люди, что это отбывало настроение не только этого дня. Правда, в тот же день вечером все эти розетки и бантики были приподняты. Но настроение и вражда остались, а они довольно прочно объединяются революционным лагерем. И во всех этих случаях, когда даю конспект реализации прав массы, например, во время выборов, «особолюбивые» действуют довольно дружно. Партия-политическая жизнь и никак не прекращается. Разные клубы, союзы и комитеты и так все время существуют. Отныне по времени устраиваются партийные съезды и конференции. Особенно хорошо организована наделетская партия, которая по части партийной «тактики» очень сильна. Клетки — партия очень практическая: в основной член этой партии — практическая (захват власти), в средствах пользуется она весьма практическими. Это — партия в настоящее время смысл этого слова. Думская фракция этой партии — это только представители партии, выраженные ей воззрений и стремлений, исполняющие ее желания и желания. Деревянки для всех ораторской партии, в том числе и для русской фракции ее, имеет центральный комитет партии. Этот комитет опирается на местные организации партии, разбросанные по стране, и никогда не порывает с ними связей. Не менее двух раз в год устраиваются партийные конференции, на которых собирается весь центральный комитет, думская фракция и делегаты от провинциальных комитетов. Пред эти конференции центральный комитет получает в своих действиях и получении от них руководящие указания. Словом, мы видим стройную и ясную организацию. Для полноты партии необходимо сказать, что все это раскинулось по стране организации обслуживающие стью газет, так же строго дисциплинированные, как и сама партия.

Но то, что социализм, заимствуя в национально-патриотическом лагере. Здесь видны различные разряды. Говорю: «в социализме» — предельно возможное выражение: «почему «в социализме»? Вид партийности зло!» Да, в партийности отношении партийности — это. Но во всяком общественном явлении есть две стороны. То, что партийность передо мной ставит волю в свободу, суживает пружины людей, заставляя идти часто на компромиссы и т. д., — это зло. Но, соединяя силы множества людей для достижения общих целей, партийность в то же время благо. Да, это говорить, конечно, о том, что желательна не идеальная партийность, если она необходима. С тех пор, как

Россия даровано народное представительство, мы вступая на путь широкой общественной и государственной самостоятельности. Теперь многое, если не все, зависит от самого общества, от его энергии, деятельности и солидарности. Всеобщее благоопытенное начало отныне в своих действиях должно учитывать и учитывать чуждым и желанным общества. Народному представительству даны широкие права и в области законодательства, и в области бюджета. Ему, наконец, даровано право контроля над законодательством и государственными финансами. Общество использовать эти права, если оно будет действовать правдоподобно, не будет объединено партийной солидарностью и дисциплиной? Политическая жизнь — это вечная борьба — борьба за власть, за национальные интересы, классовые интересы и т. д. Из этой борьбы состоит и вся деятельность народного представительства. Сравнивается, что же будет, если в России «опозиционно-революционный лагерь» будет действительностью — в Думе, и в стране — синонимом партийной массы, а мы будем лично разговаривать по ней стороны, лично бороться между собой и т. д.? Сколько ни говорят о чужд партийности, сколько ни клянутся ее, человеческой природы эти не изменить. Тут общественная самостоятельность, там и партийность, а общественность без партийности не возможна. Потому и нам надо не делать партийности, а вылезать из нее, что может показаться по бланку и пользы России, русского народа. Наши политические противники в области партийной жизни достигли больших успехов, и если мы не хотим, чтобы «опозиционно-революционное» меньшинство торжествовало над мирным большинством, то мы не должны в вопросе партийной жизни относиться с той безразличностью, равнодушием и этой области замечать шаг. Надо объединяться. Вот старый принцип, который должен быть вечно новым. Социализм — это не великое начало, на котором выдвигается общественность и государственность. Самая жизнь существует для того, чтобы давать людям необходимые условия во всех этих случаях, когда они сами не могут найти его. Народы и страны, вступившие в своей жизни в период государственной самостоятельности, необходимого согласия масс достигают путем партийного объединения.

Совершенно понятно и естественно, что среди широкого большинства населения России партийная жизнь и деятельность — совсем новое дело. Больших успехов достигать не могло быть. Идея партии — это политическая мадеппа. Но раз уж мадеппа, то за нее необходимо выдвигать и беречьный уход. Необходимо осознать стремление к тому, чтобы партийная разруха, поупоробитый хаос, заимчивый был национально-патриотический лагерь, как можно скорее кончался. Работы здесь — огромное количество.

Жизнь партий широкого большинства и самое дело на партия на чашке гонимых претерпевать большую эволюцию. До состава третьей Думы среди широкого населения заимчиво два основных течения — право и октябрьское. Но это было грубое деление. В лагерь правых собралась оппозиция революции. В большинстве она инстинктивно чувствовала, что революционное движение называло ее любовью, а враждой в России, и стала на путь безусловной отрицания всего того, что приносилось нам вместе с революцией. Даю это не могло продолжаться. За октябрьским течением пошла «выжившая». Она, наоборот, ухватилась за приобретение революции и дальнейшее развитие от нее приобретений. И это дело не могло продолжаться, ибо против выживших теорий, есть жизнь. Не выживало должно было разорваться что-то среднее, чудное правдой от одних и кинувшись бездальности других. И оно породило в третьей Думе. Я, разумеется, не стану вспоминать историю возникновения национальной партии, ставшей между правыми и октябрьскими. Я хочу здесь только отметить громадный успех национальной партии. На выборах в третью Думу этой партии не было. А шаг в Думу национальная партия играет громадную

роль, и обратите внимание: среди партий патристического большинства она — самая самостоятельная и дружная. Разумеется, много в этом отношении надо отнести за счет таланта и авторитета руководящей партии, которые — что касается Думы — являются и создателями ее. Но решающую роль здесь играет здоровая жизнеспособность тех депутатов, которые заняты на основе национальной партии. Партия эта совершенно чужда интрижке. В этом — ее громадное преимущество. Она не считает возможным и необходимым тратить силы на восстановление Царского Самодержавия, если Самодержавие в России и не переставало существовать. Но она и не рвется с любыми условиями русской пародно-государственной жизни, как это делают октябрьские. С другой стороны, национальная партия, как и октябрьские, стоит за широкие реформы, которыми бы обновилась Россия поступательное движение вперед по пути мирного прогресса. Но здесь-же кроется и глубокое различие между теми и другими: в то время, как октябрьские, подобно кадетам, домогаются расширения прав Думы и т. д., национальная партия считает, что обновление государственного строя России заключено, и что дальнейшее расширение прав Думы было бы нежелательно и опасно. А главное заключается в том, что в то время, как октябрьские националисты стараются в основу своих партий положить теорию, сутью которой является теория «теории», существование национальной партии является национализмом, т. е. жизнью, а не теорией. И потому, национальные самосознание которого, под влиянием страшных успехов и потерь революции и инородческой революции, проснулось, так поистине привлекательны в борьбе за государственное и государственное положение народа-создателя государства. Эта личность, определенность и жизнеспособность могут и обеспечивают успех национальной партии, которая признается характером настоящей партии, т. е. союза масс людей, объединившихся сознательно, а не разрозненными инстинктами раздорами и непривлекательными спорными по вопросам, не имеющими никакого реального значения. И в самом деле, в партии правых идея войны в себя против себя, против страшной борьбы дуболюбивых и восторженных привладо прямо спонтанный характер. Дло обстоятельство так, что один из виднейших представителей партии правых граф А. А. Вюртембергский: «Это не партия, а Силь Запорожья». В партии октябрьской — развал, причем думская фракция партии так, и члены ее не расходится на право и левую. И если национальная фракция еще ни разу не пороздала «особолюбивой» группой между собой.

Заогул жизнеспособности национальной партии — это. Будущее — за ней. Но работы предстоит очень много. В национально-патриотическом лагере надо думать об организации своего союза. С этой задачей надо не только справиться, но и жизнь не жадеть. Негого грех так: в смысле организационном нам далеко еще до налета. Что может национальная партия? Сильную и дружную фракцию в Государственной думе и ряд местных организаций на местах, преимущественно в Западной России. Сильной стью национальных организаций, которая бы обхватила всю страну, нет. Нет и центральных, руководящих органов. Национальная партия еще не вышла из одного своего северосибирского съезда, и следовательно самой партии, в качестве стройной организации, еще нет. Все это не могло глубоко не означать дилетантской национальной партии. С чувством глубокого удовлетворения могу сказать, что лидер национальной партии П. И. Балашеву, у которого в Подольской губ. и недавно гостала, большое других обозначил эти вопросы. П. И. Балашев задает целью то что бы то и стало на течение предстоящего сезона разступить по России стью отбавлю Всероссийского национального союза. С этой целью по России будут командированы эмиссары. Самый устав национального союза, по мысли П. И. Балашева, будет коренным образом изменен в том смысле, что управление союзом будет построено на делегационном принципе, т. е. главный съезд союза будет избираться съездом делегатов от всех от-

делов союза и других единомышленников с ними организаций, принимающих участие. При таком положении то, что инициатива Всероссийского национального союза, превратится лишь в Петербургский отдел союза. Привыкая к председателю главного совета Всероссийского национального союза, П. И. Балашев поставит непреклонными условиями такую организацию союза. Когда союз будет реорганизован и по стране будет раскинута стью отбавлю его, тогда будет создан в Петербурге первый Всероссийский съезд националистов, который окончательно создаст программу партии и наметит план и способы деятельности ее. Все это крайне важно. Организация национальной партии имеет огромное государственное значение. Выборы в четвертую Государственную Думу — не за горами: всего через два года. Тогда поздно будет создавать на местах партийные организации: успех большого дела не может быть основан на инициативе. Россия необходима, как воздух, строго-национальная власть, которая бы шла в своей цели прямо и решительно, без всяких колебаний. Но такую власть мы получим только тогда, когда у нас будет национальное народное представительство. Безальтернативный усилие правительства и общества должны быть направлены в том, чтобы в четвертой Думе было прочное национальное большинство.

Уманская выставка.

(Отъ нашего корреспондента).

II.

Плохую шутку сыграла погода с уважаемой выставкой! Похолодание открытой выставки, носок чудного вечера, начался дождь, тот проливной, атакже дождь, который даже и жанаерасточного человека повергает в тоску. Настало 11 часов утра, когда по расписанию должно было торжественное открытие выставки, а дождь идет непрерывно, растворяя лужи на выставочной территории в образе на дорожках ее порядочную грязь. Тем не менее, раз торжество открытии должно было совершиться, оно совершится. Собрались в обществ довольно незначительная группа посетителей гостей, побужденная северной погодой, председатель Уманского-Львовенского сельскохозяйственного общества В. В. Подгорский сказал речь о значении выставочной выставки, в-ле Подгорская раздала ленту, пригласившую входить на выставку, выставочный оркестр заиграл «Боже, Царя храни», публика обняла головы и торжество совершилось. А затем огромную площадь выставки посетили гости собрании, посетившие скрыться под крышу павильонов, и на открытой площадке остались только перенесшиеся дождь, да все увеличивавшаяся грязь на дорожках. Да выставочная администрация наезд этого была стью боате дождю, что она на первом выставочный день послала не малый финансовый взнос. Интересно даже в местной городской публики из выставок очень неважно. Предполагалось, и не без основания, что в день открытия выставки ее посетит очень и очень много анимированных и плата за вход по этой причине была понижена до 1 р. 10 коп. Ожидаясь дохода, которые так нужны для урегулирования выставочных счетов и теперь все это рухнуло! Тем боате нельзя не пожалеть об этом, что вывешивала уманская выставка, несмотря на ее значительные размеры, большое количество экспонатов, и интерес их, является почти исключительно дьявол энергии и щедрости местных землевладельцев и в том же устройстве не стью незначительно дешево. В распоряжении выставочного комитета была следующая «сумма»: управление землеустройства и земледелия дао субсидию в 2,000 руб. Киевское земство дао тысячу рублей, пятьдесят землевладельцев дали по ст руб., на три тысячи рублей те же землевладельцы разорали «каши» выставки, а всего собрано денег 14,000 рублей. Устройство выставки обошлось приблизительно в 15,000 руб., так что недоставало около 4 тысяч руб., которые предполагалось покрывать платой за вход в за места. Плата за места, конечно, осталась, но в плат

БЕСЪДА.

Открытие сезона.

(Щеса, которая, вероятно, шити не будет поставлена).

Картина первая.

(Сцена изображает площадь перед городской театром. Из площади поспешают рабочие, замешавая се шведские пубиса. Вдаль стует Г. Экстер и не одобряет. В подлеть театра видна фигура оперного антрепренера Выбрыкина, мезакоически глядящего в пространство).

Выбрыкин.

Как быстро это прошло! Давно-ль пошевелил-сошелся! Так сладко пьл среди детей, и все живущее сть шимало! И мило, и воздушно, и покорное влечению страстей! А шимель! Грустная картина! Желать леть на ведени сада! Природа хмурится в облачных сланах, И дождь, осенний дождь галдит из облаков...

Куда на погада, гитд отряды воору; Уж оея печат поспешу валега, И пазнать сезон, согласно договору, Я дождит сть третью чиду... Ся невольной грустью и стирчиво Сезона радостный дан публики приход; И оть него не оидая Уткня ипакой, а только радх хаюгт И несприятель, и огорчений; Туда плат, сюда плат, И тобой копца сть копцами миф свеети, Приходится терить мильоны мучений... (Выходит).

Начать!.. Легко сказать — начать сезон! А если начинать совсем и не желаю И отпаду его предостыжаю. Чтоб вовремя не начинался онг!.. Я прошамый раз просил — не выгорй до дло!

Еще со всех сторон и миф же нагоруло...

Урлана дум, лавк бромю, И миф оторачи не было дано...

Кричат: контракт, контракт! Но не вь контракт сыз...

Ах, дума, есабь ты мена любила Ся комсией вь сердечный унисон, Я не был бы теперь такь странно огорчон!

И как на зло, шти пикакой заплата; Ни галд, ни морь, ни трусь и ни по...

Дома и уаца такь безобразно кривна... (Узнаю галдит на площади, на которую продолжают поспешать рабочие. Пролетает сть гд. Деучени. Ваза продолжает стуть за. Экстер и еще энергичне не одобряет).

Выбрыкин (хлопает себя рукой по абу). Ва!.. что-жь я думаю?.. Какой я отололь!

Терзао думу тлгостнымь вопросам, Иму причин, чтобь время отпугну, — А туть, чуть стовть яши нагнугну, Причина, такь сказать, подь самими по...

(Подходить к одному из рабочих). Ну, что, гоубушич, что и пал? Какь погалд на наше дло, Оно выходит попросту табак!

Рабочий (метель затылок). Оно конечно, ежели сказать, Иа вь слову мовить ежели примирю, То мидеть и не то, чтобь очень серьезно, А ежели оидь по намену смегать, Чубь мовить, туть надобно умиле, А пазнате Боже пазнате...

Выбрыкин (радостно). Вот, вот! Гоубушич, ивешенный ты мой! Что называется, со мной И одно ты мовил слово: Не будеть ничего у васть готово, А у мени готовь изь ходатайству предлодь, И сочинять его бгу со влечь и пот... (Стремительно убегает). Рабочие метуть затылки. Г. Экстер стует вадан и окончателно не одобряет).

Картина вторая.

(Сцена изображает городской дом. За столом сидят Урлана, дама многоголова, но шпрятая во многих отноше-

ниях. Входит Выбрыкин с прошепел вь руках).

Выбрыкин (грациозно расшаркивает). Достопочтенная урлана! Хава и честь тебе и салава, Зашащитица твоя и мильонных сворот, И влечь обиденныхь нещедрымь оплат... Тебя и славоно умюлю!

И вь сердцу твоему зываю, Моло: воззри ты на кое На горькое, несчастное житье. Я пригтовилася кь открытию сезона, Нетретья массу средств и сил... Но туть, уш! Нежданная пренюа: Миф пашады! Деленюю вверхь днювь равноругвал.

Тамь не пройдеть теперь ни конный и ни пшый, А разь только айшй... Сама ты расуади; какой же миф резон! Варть открывать без публики сезон? Артисты у мена, какь чорт, самольно бина!

Играй без публики не стануть ни за что! Тако, гоубушич, народь стивеный, Не переделаеть ужь хь шито. Моло: услыш пошепреше И дай сезонь оторчить разрешенье... И здысь, гоубушич, ей-ей, не вновать, Ванюю Деучению, сей вилешерь мостайшй! Иа пашады онгь сдалась Араратг, Ульмешь всакому греший.

Не будеть тамь порядкь кь сентябрю, И я хоть желаюшть горю Открыть сезонь согласно договору, Но ить физическых исполнять это сил, Пока не уберуть ть рытвныи и горы, Чтo Деучению нагородал...

Урлана! будь великодушна! Какой-нибудь десяток дней Довольно дажо разпоудно! Потерпуть публика, ей-ей!.. (Урлана начинает вытывать головани, которые заодят между собою разговор).

Первая урванская голова. Сестрица! разрешить?

Вторая урванская голова. Какь будто негодно.

Первая урванская голова. Да что закон? Видь просить оть революции!

Действительно на площади... того...

Третья урванская голова. Пусть публика потерит... ничего. А главное — кой-кто бытисль будет И прать свою, бить может, позабудет...

Первая урванская голова. Сестрица, такь даями? Вторая и третья урванские головы (вместе). Даями пошепно!

Первая урванская голова (обращаясь к Выбрыкину). Иде, о друг, и ени себе безопасно! Урвана думиш уш, Такь порывиши мш: Понесе навардк на площадь пропона, — Начлао отжадуть сезона До той поры, пока тамь водитреть галд!

И вновь оторчится свободное движение Без опасень! Ребро аш, шев а сломать... Выбрыкин.

Мерг, гоубушич, за асковое слово! (Вь сторону).

Оть сердца отлегаю, и духомь ожалд снова...

Десяток дней — и то барыш! А публиць покажемь шимель... (Убегает).

Картина третья.

(Сцена представляет кабинет Выбрыкина в театре. Выбрыкин сидит за столом, и что то вычитывает по папкам).

Выбрыкин.

Однвь да два, да три... выходить шесть примирю...

Кие однть... еще... Какь будто бы не свирлю!

Удачно начался сезон. Темь, что еше не начал онг. (Вь дверь кабинета поспешают голова, национальный не то хористов, не то музыкантов, не то артистов).

Кто там? Голова. Почтенный! а что мы будемь кушать? Выбрыкин. Что? Кушать? Фу, противно слушать!

Кь искусству привлекать жеудочный поирро...

Прому сейчась убрать свой даянный нос! (Голова исчезает).

Какой разпра! какое унижение! Вь груди должно пилать светос злоно...

Огня небесная вистаз. Поддерживать обязань васт... А вы... о Господи!.. (перезадривая) Что будеть кушать!..

Обзора — не шьны!.. Прогнош слушать!.. (Продолжает обшачно по папкам).

Картина четвертая.

(Сцена представляет два драматическых театра, находящихся один оть другого на большом расстоянии. Вь действительности это невозможно себе представить; но вь пьесах, особенно современных, и невозможное становится возможным. Вь одном театре сидит антрепренерь Подсолозов, вь другом — антрепренерь Грустинин, и переагиваются между собою).

Подсолозов.

Грустинин.

Голось Леонид.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

Грустинин.

